

О самиздате, знакомстве с Георгием Костаки, утрате ранних работ и первых месяцах жизни в эмиграции

<https://oralhistory.ru/talks/orh-1550>

🎤 27 марта 2013

Собеседник

Шелковский Игорь Сергеевич

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 27 марта 2013 и опубликована 13 ноября 2014.

Введение

Третья беседа с художником Игорем Шелковским посвящена последним годам жизни в СССР и эмиграции. Наш собеседник рассказывает о своей мастерской и круге друзей, который в ней собирался. По натуре очень общительный человек, Игорь Сергеевич прятельствовал почти со всеми заметными художниками первой половины 1970-х годов: Борисом Орловым, Дмитрием Приговым, Ильей Кабаковым, Эриком Булатовым, Эдуардом Штейнбергом, Лидией Мастерковой, Эдуардом Зелениным, Михаилом Шемякиным. Люди художественного андеграунда в разной степени имели отношение к диссидентскому движению, поэтому этот рассказ и о сопротивлении, в котором участвовали многие.

В 1976 году Игорь Сергеевич, воспользовавшись приглашением своей жены-швейцарки, в считанные дни собрал все необходимые для выезда документы и, оставив почти все свои работы друзьям, покинул страну, не имея никаких четких дальнейших планов. На момент отъезда брак фактически распался и в Европе его никто не ждал. Художник вспоминает пересечение границы, взаимодействие с швейцарскими и австрийскими властями, помощь эмигрантских организаций.

Завершается беседа воспоминаниями о первых днях жизни во Франции, о жизни до создания легендарного журнала «А-Я».

Дмитрий Борисович Споров: В прошлый раз мы с вами закончили на разговоре о диссидентах. Вообще вот этот круг: тамиздат, самиздат, знакомство с этим пластом культуры. Не то что знакомство — а жизнь в нем. Пожалуйста, начните сегодня с этого.

Игорь Сергеевич Шелковский: У меня был такой знакомый, моего же возраста, Миша Утевский. Он занимался тем, что служил добровольным библиотекарем для интеллигенции: каждый вечер после работы объезжал пол-Москвы и менял всем книги. Допустим, у меня появился Бердяев. Значит, я его прочитал — он забирал Бердяева, мне привозил Солженицына или что-то еще. И таким образом циркулировал по всей Москве. И очень я ему благодарен, ему бы памятник поставить за эти дела, потому что все книги нельзя как-то собрать, а он эти книги делал достоянием всех желающих. Причем совершенно бескорыстно. Просто такая была страсть книгообмена, чтобы все читали, чтобы все развивались.

Д.С.: А это какое время примерно?

И.Ш.: 70-е годы. Начало 80-х.

Д.С.: Ну, и этот Миша Утевский спокойно продолжал этим заниматься?

И.Ш.: Нет. Его потом ловили. Где-то на станции метро. Слежку устроили, чего-то конфисковали. Его немножко прижимали, преследовали.

Д.С.: Прижимали, но не сажали уже?

И.Ш.: Да. Но пока не сажали...

Задача нас всех была не садиться, потому что садиться — это надо уже вставать на путь борьбы. Посвящать этому жизнь, как некоторые и делали.

И некоторые довели до конца, как муж Ларисы Богораз, который погиб уже при Горбачеве.

Д.С.: Ну вот, у меня тоже вылетело.

И.Ш.: Я потом вспомню, неважно. Мое убеждение было такое, что всех не перевешаешь, поэтому каждый должен что-то делать, не лезть в лидеры или в жертвы, делать то, что считаешь нужным. Собирали деньги, чтобы перепечатать рассказы Шаламова. По-моему, я уже говорил об этом. Мы с моим приятелем из Серпухова размножали «Архипелаг ГУЛаг». Фотоспособом все пересняли.

Потом сидели в чужой квартире, в чужой ванной, печатали. Получалась толстая, большая пачка фотобумаги. Но тем не менее можно было прочитать. И мы потом давали нашим друзьям, они читали.

И вторая линия, по которой я немножко соприкасался с диссидентами, — это мой друг Юлий Ким. Он к тому времени женился на дочери Петра Якира. Я много раз бывал там, помню, даже чей-то день рождения праздновали. Или Петра Якира? Возможно. И там было неимоверное столпище народу, человек тридцать или больше, в маленькой квартире. Многие перепили там даже. Я когда ехал в эту квартиру, в одном лифте поднимались с Галичем, а потом он пел свои песни. Тогда это было вновинку, я в первый раз его слышал.

Д.С.: Но впечатление производило, конечно, сильное?

И.Ш.: Да! Интересно, что потом, когда Якира арестовали, и вели этот процесс, его довели до того, что он выступил по телевидению — признался в своих ошибках, и его как бы простили. Но над ним висел еще один срок, он бы просто не выдержал. И потом все это поведение, этот страх, от алкоголя разлагающийся человек. Да, интересно: когда велось следствие, почти всех вызывали как свидетелей, а меня нет. Не знаю почему. Ну, правда, Юлик меня оберегал. Там вызывали, в основном, кто участвовал в «Хронике текущих событий», и у них была своя раскладка обязанностей. Кто-то ездил туда, туда, туда, чтобы собрать материал. Я был в стороне от этого. И вообще, мне повезло, меня не...

Д.С.: Ни разу не дергали?

И.Ш.: Ни разу! Да, ни разу не дергали. Но я и не скрывал особенно своего отношения, в телефонных разговорах на эту тему, с какими-то приятелями я говорил, хотя знал, что, скорее всего, прослушивается. Что если меня вызовут, я просто не буду отвечать и входить в контакт. Или предъявляйте официальное обвинение — или я отказываюсь с вами разговаривать. Может быть, это меня уберегло. А я действительно был готов отказаться от всяких разговоров. Но вот сейчас Быков, по-моему, говорил, что диссиденты не играли никакой роли в разрушении Советского Союза.

Д.С.: Какой? Дмитрий Быков?

И.Ш.: Да.

Д.С.: И так он говорил?

И.Ш.: Да. Играли! Очень большую. Вся Москва этим жила. Слушали каждый вечер Би-би-си или «Голос Америки», или «Дойче велле». «Свободу» в Москве глушили, я слушал «Свободу» в Абрамцеве, когда летом снимал там каморку. Работал.

Д.С.: Угу.

И.Ш.: Ну, дача. На даче можно было слушать «Свободу». А в Москве — «Дойче велле». Каждый вечер. Би-би-си прекрасно передавали. Это все шло, все впитывалось. Люди начинали думать обо всем. Это очень важно!.. Именно диссиденты. А потом диссиденты — как пример! Поведение Сахарова. Солженицын. Вот, был такой Андрей Твердохлебов. Даже как-то меня познакомили. Я был у него дома, разговаривали... Анатолий Марченко! Который погиб...

Д.С.: Марченко!

И.Ш.: Да, вот, фамилию вспомнил! И на этом самиздате проверялись, проверялись люди. У меня был приятель, с которым мы говорили обо всем откровенно, все обсуждали, вроде бы таких же идей, такого же умонастроения.

Но потом я ему предлагаю Солженицына «Архипелаг ГУЛаг», первую книгу — он отказался взять! Он говорит: «А знаешь, меня это не интересует! У меня времени нет читать». И я понял, что он просто боится.

Дело не в том, что времени нет, это все отговорки, а он боится. Он уже начал делать карьеру официальную, в Министерстве иностранных дел. Он не глупый был человек и способный очень. И вот эта карьера. Он боялся, что как-то станет это известно. Отказался. И потом уже мы с ним так близко не общались, то есть вообще не общались.

Д.С.: А какие книжки произвели сильное впечатление, были знаковыми, из самиздатских и тамиздатских? Для вас?

И.Ш.: Ну, если конкретно...

Д.С.: Ну да...

И.Ш.: ...по жизни, это «Архипелаг ГУЛаг», конечно.

Д.С.: Шаламов, наверное.

И.Ш.: Его читали... Вот в смысле, да, художественной литературы — это Шаламов. Что тогда читалось? Много философской литературы. Читали Бердяева, Шестова. Потом декларации Сахарова, «Размышление о прогрессе», у него была такая работа. Потом приходили журналы. Первые номера «Континента» я читал еще в Москве. Кто-то привез «Третью волну» — и разочаровались, потому что пустой совершенно журнал. Но что-то доходило. «Посебовские» издания. Это уголовщина была в чистом виде, за это сажали.

Д.С.: Но это понятно, да. А кого-то из ваших, из близкого круга дергали за это?

И.Ш.: М-м-м... Юлия Кима. Да-да. Юлик, он подписывал письма, участвовал в «Хронике текущих событий». Его дергали очень здорово. Ему поставили условие — он под своей фамилией уже не мог публиковаться, и ему пришлось под фамилией Михайлов: для заработка он писал сценарии. И песни пел под фамилией Михайлов, не Юлий Ким.

Д.С.: А ваши взаимоотношения с Кимом, они не прерывались, так получается, практически всю жизнь? Да? То есть...

И.Ш.: Да-да-да.

Д.С.: ...был какой-то юношеский период, до поступления в вуз, а потом...

И.Ш.: Да-да-да.

Д.С.: ...практически всю жизнь...

И.Ш.: У нас почти совпадают дни рождения.

Д.С.: Что, вместе праздновали?

Игорь Шелковский, ... Абрамцево. 1970 год

И.Ш.: Мое чуть-чуть раньше, на два дня. Да. Мы собирались. Он приезжал ко мне в мастерскую, в Просвирином переулке, возле Сретенки. И мы начинали часов в пять. Сидели, он — с гитарой. И потом набивалась полная мастерская гостей, и так до ночи мы праздновали. И он все пел свою крамолу — про Брежнева, про Андропова у него были песни. Дергать... Всех пугали, всех подслушивали, всех. Вот, Мишу Утевского — он рассказывал потом — за ним следили-следили, потом накрыли наконец, пригрозили чем-то. Но все-таки он не был арестован.

” Большинство все-таки боялось, очень боялось. Начиная с Кабакова, он где-то признается, что мурашки по спине бегали.

Был такой художник Семенов-Амурский, когда мы собирались, он тоже участвовал. И Дима Пригов сочинил какую-то анкету про искусство, заполнить, ответить на вопросы. Мы все заполнили. И одну я отдал Семенову-Амурскому. Он: «Да-да-да». Потом через день мне звонит по телефону: «Нет, Игорь, вы знаете, мы подумали с Елизаветой Измаиловной (это его жена). Нет. Ни в коем случае нельзя эту анкету заполнять! Мы послушники, мы...» То есть боялся человек. Боялся. Причем это [анкета] совершенно с политикой не было связано, это были вопросы по искусству. Он пережил 37-й год, его можно понять. 37-й, потом — 49-й. Его исключали из МОСХа. А в 49-м году быть исключенным [из МОСХа] — это как исключенным из жизни, потому что если ты официально не художник, что тебе делать? Где ты можешь служить? Работать? И спас его, был такой художник, Шмаинов. Он всегда занимал какие-то официальные посты. Он был тогда, по-моему, секретарем МОСХа. Уже собрание, устали все, все к концу подходит. И вот вопрос об исключении Семенова-Амурского, а он как-то превратил это в шутку. Он сказал: «Ну, друзья, конечно, мы с вами все здесь гении, но путь среди нас будет один просто талантливый!» — и его перевели в кандидаты в члены МОСХа. То есть хоть какая-то бумажка у него сохранилась. Он работал дома в крошечной комнате, двенадцать метров, там и велосипед стоял. И на стены он вешал работы более реалистические, «компромиссные». Где все более реально, и пейзаж, и люди. Никакой деформации. Почему? Потому что ходили комиссии от МОСХа, из старых членов партии. Они могли прийти внезапно, без предупреждения. Посмотреть, чем занимается художник у себя дома. Какие работы он пишет? Что делает? И, если находили, что это не то, что подобает делать, что это...

Д.С.: Модернизм.

И.Ш.: Да, модернизм, формализм, импрессионизм даже! Импрессионизм тогда приравнивался к слову империалист...

Д.С.: Тоже, да?

И.Ш.: Сейчас это слово — террорист.

Да, тогда импрессионизм — это было просто секучее слово. Если уже называли импрессионистом — то все.

Д.С.: Жди беды.

И.Ш.: Художник почти лишался...

Д.С.: Ну, ведь то, что у вас мастерская, — это в том числе и возможность собираться. Приглашать людей.

И.Ш.: Да.

Д.С.: И у вас, видимо, часто собирались просто те, кому хотелось собраться...

И.Ш.: Да. Я получил мастерскую, а потом вдруг заметил, что ко мне каждый день...

Д.С.: Кто-то приходит.

И.Ш.: ...идет народ. Да. Приходит один физик, с портфелем. Вот. Раскрывает портфель, достает бутылку, какую-то закуску и, как нормальное дело, садится... И так каждый день. Я стал с ними ссориться. Требовал, чтобы звонили, договаривались. И не каждый день, а хотя бы раз в неделю. Ну, потом урегулировалось.

Круг общения

Д.С.: (Смеется.) Опишите круг людей, которые приходили. Кто это были? Вот вы упомянули Пригова, Семенова-Амурского. Вообще, просто интересно, что это за...

И.Ш.: Был тогда у меня приятель, сын какого-то высокопоставленного человека. Фамилия его была, по-моему, Громадин, отец был какой-то министр... В общем, с авиацией было связано. Ну а сын не диссидент, но, во всяком случае, не совок. Он тоже Бердяева приносил, какие-то перепечатки. И рассказывал эпизоды из жизни советского высшего света. Еще один был сын министра. И такой вот эпизод он рассказал, что этим министрам всем рассылали списки литературы, которая издается. Допустим, издается Кафка, но крошечным тиражом, в магазинах вы его не купите. А вот по этим спискам можно купить.

И его отец-министр получал список такой полуофициальной литературы. И сын взял список и отметил галочкой, что бы ему хотелось. Отец говорит: «Нет. Черта с два я тебе буду покупать! А то ты будешь умнее меня!» Вот такая была интеллигенция, полу-диссиденты — полувывиховы.

И художники в основном! Боря Орлов, Дима Пригов регулярно бывали. Эти как раз не интересовались пьянками, а приходили для разговоров. Мы книгами обменивались. В основном художники ходили ко мне.

Д.С.: А вот эти все: Звездочетов, Мироненко...

И.Ш.: Я их не знал.

Д.С.: Вообще?

И.Ш.: Их тогда и не существовало.

Д.С.: Это раньше еще?

И.Ш.: Я говорю про 70-е годы. Они появились в...

Д.С.: ...в 80-е.

И.Ш.: ...в 80-е, когда я уже журналом заведовал.

Д.С.: А когда вы уехали-то?

И.Ш.: В 76-м году.

Д.С.: То есть все, что вы рассказываете, это конец 60-х — начало 70-х.

И.Ш.: Да. У меня мастерская появилась в 71-м. Пять лет она так эксплуатировалась.

Д.С.: Нещадно!

И.Ш.: Да, нещадно, и главное — удобно было всем. Центр Москвы.

Работы, оставшиеся на родине

Д.С.: А над чем вы работали? Так сказать, предмет творчества.

И.Ш.: Я тогда взялся за скульптуру из дерева. В основном скульптуру я делал.

Д.С.: А те работы, что делались до отъезда, какова их судьба?

И.Ш.: Я все оставил на Алика Сидорова, он мог всем распоряжаться. Доверенность, или как она называется — на имущество. Он в этой мастерской поселился после моего отъезда и находился там, пока его не выгнали, месяцев шесть или восемь. Пока не спохватились: а где же хозяин. КГБ пока наладили информацию. И когда его стали выгонять... А до этого они просто собирались — мои друзья стали его друзьями. Собирались в мастерской, сидели, чего-то праздновали, Новый год какой-нибудь. И вот когда ему надо было освобождать мастерскую — он стал раздавать мои работы всем желающим.

Потому что все-таки скульптура — это объем. Не у всех есть место, куда это запахнуть, поставить.

Я его письмо нашел, где он пишет, кому чего раздал, какие работы кому. У Бори Орлова до сих пор там четыре моих больших работы. Говорит: «В любое время могу вернуть». Ну, у него-то другая идея, он хочет их продать, старые работы, чтобы я деньги имел от этого. Я даже не знаю, кто эти люди, где и что искать.

Д.С.: То есть вообще потерялись?

И.Ш.: Да. Такая Марина Романовская была, скульптор, ей большое количество работ досталось. Но у нее была мастерская. Потом она уехала с мужем в Германию. Не эмигрировала — просто поехала туда работать. И там осталась. И умерла уже года полтора назад. Конечно, она работы с собой не повезла, а передала в Москве кому-то. У меня очень много работ ранних пропало. И потом даже Алик Сидоров, когда... Правда, это уже живописи касалось... Скульптура осталась по наследству его дочери.

Д.С.: Они отфотографированы хотя бы были? Нет?

И.Ш.: Были, да. Но не все, к сожалению. А живописи совершенно никаких у меня снимков нету. Она пропала, еще когда Алик Сидоров был жив. Я его спрашиваю: «Где эти работы?» Он говорит: «А я не помню!» Действительно, мог не помнить! Так что... Или они как-то всплывут, я не знаю, где-то у кого-то — или они пропали навсегда.

Д.С.: А в какой стилистике вы работали тогда? С чем это было...

И.Ш.: Стилистику мне самому как раз очень трудно определить. В какой я стилистике? Скульптура с объемом, но объем не за счет массы, а за счет линии, скорее. Тоже, собственно, то, что я делал: как бы рисунок в воздухе.

Вот я рисую такой букет, весь прозрачный. Но он дает понятие о форме букета. Цветы, ваза.

Это примерно тогда я уже начинал такие вещи делать. Или наоборот, голова... Если этот объем разрезать, развернуть, такой вот рельеф с такой головой. Меня тогда интересовала фактура дерева. Сейчас-то я уже крашу это все. А тогда... Желтое, очень хорошо старящееся дерево. Я его еще воском пропитывал. И оно со временем становится желто-коричневым. Меня удовлетворяло это, такая фактура. В живописи я только начинал тогда. Я писал пейзажи в Абрамцево. Портреты. У меня где-то сохранился портрет Бори Орлова.

Д.С.: Интересно.

И.Ш.: Интересно?!

Д.С.: Да. Он тоже у Орлова? Нет?

И.Ш.: Нет. Он где-то у меня, здесь, только его достать нельзя. Он в чулане, забитом другими работами. Но я вам могу, у меня он в каком-то каталоге...

Д.С.: Есть, да?

И.Ш.: Да-да.

Д.С.: Интересно. Покажите. А из скульпторов того времени: и из стариков, и из молодых — кто вам был по духу близок? И были ли такие?

И.Ш.: Я тогда уже знал и любил очень Джакометти. Еще... Скульпторов не так много. Ну, Пикассо занимался скульптурой. Такой был итальянец Манцу, его тогда много показывали в музее Пушкина — я его не очень любил.

Мне просто нравилось, что, делая скульптуру, я не обогащен, неотяжелен каким-то наследием, какой-то учебой, потому что живописи меня учили очень много.

И в училище учили, и Семенов-Амурский меня учил, и я мог за счет этого обучения чего-то добиваться. Но это не было мое. А в скульптуре я был совершенно независим ни от кого.

Д.С.: И это вам нравилось?

И.Ш.: Да-да. Я был свободен совершенно.

Ранние работы

Д.С.: А вот старые работы ваши, ученические, живописные... Они сохранились? Где они?

И.Ш.: Очень мало. Училищные я все уничтожил. В общем, как-то они пропали или раздарил... А потом — нет, почти ничего нет. Очень мало.

Д.С.: А сейчас жалеете об этом? Или нет?

И.Ш.: Немножко, да... Вот там у меня стоит этюд, Коломенское, у меня полно было этих этюдов. Я вам потом покажу.

Д.С.: А! Вот-вот.

И.Ш.: Масляная живопись. Таких этюдов у меня было очень много.

”

В школе мы очень подружились с учителем рисования. Ананием Ивановичем Глуховым. И он меня стал брать на этюды. Мы с ним ездили в Коломенское. Я перенял его обычай делать самокрутки из махорки. Мы садились, закуривали: это необходимо было от комаров, потому что там весной и летом комариные [тучи] летали...

Д.С.: Но вы ведь не курите? И не курили?

И.Ш.: Нет-нет. Но тогда — да. Тогда это мне нравилось. Во-первых, это взрослость придавало. А главное — [спасало] от комаров. Я в подражание ему завел такую баночку металлическую...

Д.С.: С махоркой?

И.Ш.: С махоркой. Махорка буквально две-три копейки стоила пачка. Очень дешево. И мы писали эти этюды в Коломенском. Я их переписал, все эти церквушки. Потом, там были деревянные ворота, которые впоследствии, оказывается, сгорели. Их привезли с Севера. Башенка, ворота и еще сооружения по бокам. Они там занимали как бы центральное место, недалеко от домика Петра I. Писали вполне реалистические этюды а-ля Шишкин. Или как передвижники...

Д.С.: Кто угодно...

И.Ш.: Тогда я еще не был развращен никаким формализмом. А Ананий Иванович был очень рисовальщик хороший. Подходил к доске, брал мел, и, что-то рассказывая, рисовал картинку, допустим, иллюстрацию к стихотворению Некрасова. И всех этих персонажей точь прямо так, импровизируя, рисовал, рисовал, рисовал. Потом на фоне стены: избушка, бревна, стулья, скамейки. В общем, получалась большая реалистическая картинка. И самое обидное было, что кончался урок, и к следующему уроку это все с доски стирали. Сейчас доски зеленые, а тогда были черные в классах у нас. Черная доска, и мел обычный, брусочки белого мела.

Что такое искусство

Д.С.: А как бы вы определили, как художник, судьбу реализма, реалистической живописи? Вот она развивается, идет... Конец XX века, начало XXI...

И.Ш.: В искусстве как в моде... Мы тоже в молодости искали «правильное искусство». Это вот — неправильное, а какое-то — правильное. Я был большим поклонником Репина и всего передвижничества. Но когда только это и ничего другого, и остальное запрещено... Потом это надоело. Можно сто раз посмотреть на «Крестный ход в...»

Д.С.: Понятно... Просто если этот этап уже художник прошел, это понятно, как делается, и как бы все есть. А останется этот принцип, реалистической живописи? Эта форма?

И.Ш.: Вот сейчас самый радикальный художник — это Эрик Булатов, который вернулся назад, к самым истокам. Это предельный натурализм плюс еще и техника, потому что как бы фотореализм. Уже рисует не с натуры, как Репин. Репин старался как можно точнее изобразить, а он берет фотографии и перерисовывает.

Д.С.: Как и Врубель, тоже у него это есть.. У Димы Врубеля.

И.Ш.: А, это современного Врубеля ...

Д.С.: Ну, да-да-да. Он тоже, собственно, берет коллажи, фотографии...

И.Ш.: В общем, да. Но у него нет такого предельного натурализма. У него все-таки...

Д.С.: У него наоборот...

И.Ш.: У него обобщение. Даже он Брежнева рисует — это графика скорее. А Булатов рисуетточь-в-точь, как глаз видит, или как фотоаппарат видит. А почему? Потому что абстрактный или экспрессивный метод — они тоже исчерпали себя! Надоело! Нельзя, невозможно просто...

Д.С.: А вам надоело абстрактный метод?

И.Ш.: На выставках — да. Если я еду в Париж и обхожу галереи — там это до сих пор все выставляется.

” Я думаю, в Москве бы никто смотреть это не стал, потому что так надоело! Так неинтересно! Надоедает.

Но это плохое абстрактное искусство. Хорошее не делается никем сейчас... Хорошее.

Д.С.: Вы так считаете?

И.Ш.: В общем, да. Я не вижу, по крайней мере.

Д.С.: То есть главное, видимо, то, что это не противоборствующие направления и убеждения, а взаимодополняющие, существующие рядом. Будь то реализм или абстрактная живопись, или еще что-то: есть и есть...

И.Ш.: Ну да. Вот я когда-то такой образ изобрел. Искусство как дерево. В разные стороны растут ветви. Вот ветка концептуализма вырастает... И уже растет, растет, растет — и чтобы дерево не упало в ту сторону, с другой стороны вырастает ветка какого-нибудь абстрактного экспрессионизма, где мажут холсты. Там сухость текста только, а здесь — масляная краска, холсты. С других боков еще какие-то вырастают, таким образом все как бы уравнивается. Это дерево жизни. Оно растет. Это самое трудное: ответить на вопрос, что такое искусство.

Д.С.: Ну да...

И.Ш.: Вот вы очертили и сказали: «Вот это искусство, вот здесь, только в пределах этого круга». А оно делает шаг, выходит за эту линию и смеется над вами! У Пикассо есть хороший афоризм. Его спросили, что такое искусство. Он ответил: «Если бы знал — никому бы не сказал». Это самое трудное, я всех иногда провоцирующе спрашиваю: «А что такое искусство?» И обычно люди забываются и начинают себя ограничивать и говорить: «Вот это, это, это...» Вот мой сосед, вы видели его когда-нибудь?

Д.С.: Угу.

И.Ш.: Он знает, что такое искусство! Это, это, это... А все остальное — это не искусство. Фотореализм — это не искусство. Кроме живописи, Матисс, сто лет назад... Остальное для него не искусство. Но это хорошо, потому что, когда человек убежден в чем-то, он живет, не сомневаясь, он работает. А когда начинаешь сомневаться, руки опускаются. Ведь сейчас нет... Раньше всегда было широкое, большое движение. Художники группировались. Передвижники. Их было несколько десятков, и они знали, что такое искусство: изображение жизни как она есть. Вот были импрессионисты, десяток или полтора. И они тоже знали, что такое искусство. Это живая природа как она есть. Впечатление. Были дадаисты, которые знали тоже, что такое искусство: это абсурд, провокация. Или Сальвадор Дали. А сейчас, какое искусство сейчас?

” То, что я вот вижу в западном и искусстве, — для меня дико, для меня это не искусство. Это какая-то патология: много крови, всякие гадости, разрезанные акулы в формалине.

Был в Осло. В Музее современного искусства стоят большие ванны или аквариумы, и в зале пахнет формалином. Потому что как их ни запаивали и ни закрывали — все равно проходит этот запах. И там эти разрезанные акулы, белое полугнилое мясо, — в общем, никаких эстетических чувств я не испытываю, кроме отвращения. Никаких других чувств. А это искусство, потому что оно введено в социальный контекст, оно стоит больших денег. Все ведущие снобы признали это за искусство.

Д.С.: Провокативность и социальность. Вот они, собственно, становятся...

И.Ш.: Понимаете, ведь время проходит. Время все ставит на свои места.

Д.С.: Да.

И.Ш.: Потом вдруг люди смотрят открытыми глазами и думают: «А почему, собственно?! Что нам какую-то глупость предлагают?»

Д.С.: А тех людей, что собирались в мастерской, которые были вам близки, что вас объединяло? Какие творческие максимы? Какие идеи?

И.Ш.: Каждый стремился что-то создать. Боря Орлов увлекся такой линией в искусстве, в старом искусстве: помпезность, империя.

Д.С.: Имперское самосознание.

И.Ш.: Да, это самое...

Д.С.: Ну, это еще римская имперскость, да?

И.Ш.: Нет! Это, скорее, XVII век. Россия, Франция... По этой линии он добился успехов. Сейчас его большая выставка в Третьяковке, называется «Фантомные боли». Он взял классические старые фотографии, где парады 30-х годов, или война, или флаг над Рейхстагом, или что-то еще. Ему напечатали на металлических листах большие фотографии, и он их покрывал фрагментарно орнаментами. Это не палех, а как это называется, такие желто-черные цветы?.. Все это такими цветами, цветами. И назвал это все «Фантомной болью». Я говорю: «Боря, а у меня нет фантомных болей!» У него ностальгия, он очень, наверно, переживал, когда развалился Советский Союз. Я так шучу — он маленького роста: ему хочется

принадлежать какой-то большой силе, большой Империи. Чтобы гордиться, что за его спиной... Кстати, это Лимонов об этом где-то писал: «Я там диссидент, а в Америке я никто». Сознание, что он принадлежит большой Державе... Вот так же и Боря. Для него это трагедия — что Союз развалился, империи больше нет, а я, наоборот, доволен.

”

Для меня государство — это не цель, это средство. Это средство, чтобы люди могли нормально жить. Какое государство, маленькая Швейцария или большой Советский Союз — это неважно. Важно, чтобы человек был свободен, достоин, мог существовать, мог передвигаться свободно, как сейчас вся Европа.

Там нет границ, там я во Франции сажусь в поезд и еду в Германию как на трамвае. Несколько остановок отъехал, вышел — и никаких препятствий. Так же может быть и здесь.

В 90-е годы шла полемика. Была газета, как же она называлась? Лукьянов такой... Подождите, нет, не Лукьянов. В общем, какая-то газета опубликовала письмо читателя «Считайте меня фашистом». Он протестовал против беспорядков, и ему нравился Жириновский... И жена Юлия Кима — тогда мы перезванивались, разговаривали по телефону — говорит: «Кто бы ответил на это письмо?» Я говорю: «Пришли!» Она мне факсом прислала, и я написал ответ. В том числе там полемика про Жириновского. Тогда он выступал, что надо намочить сапоги в теплом океане. И я как бы заодно и ему отвечал: «А зачем, собственно, мочить?» — «Мы вот завоюем, построим санатории, и наши трудящиеся будут там отдыхать!» Я ему писал: «А зачем завоевывать? Купите билет и поезжайте!» Так и получилось, сейчас покупают билеты и едут в Турцию загорать и купаться. Вовсе не надо завоевывать. Пожалуйста, весь мир открыт. Я за мондиализм, поскольку земной шар — это общая квартира, общий дом для всех. Сейчас, если завоевывается что-то, то торговлей, а не оружием.

Дмитрий Александрович Пригов и другие

Д.С.: Да. Это здорово вы сказали про Бориса Орлова. Скажите про Пригова. Он сейчас покойный уже, яркая фигура, опишите его. Как художник художника.

И.Ш.: Это очень трудно. Тогда он приносил на наши показы графику, там какие-то шестеренки были. Еще у него была ужасная серия монстров, всяких чудовищ. Я до сих пор не понимаю, зачем он это делал. И так, довольно приемлемо и остроумно, он на машинке делал графику. Печатал, печатал...

Д.С.: Ну да.

И.Ш.: А в результате получались и текст, и изображение одновременно. Кроме того, он писал очень много стихов. И для него было важно всегда количество. Он тогда уже хвастался, что у него четыре тысячи... Потом семь тысяч, еще что-то — в общем, какие-то цифры. А потом он до двадцати, по-моему, довел их. И какие-то были статьи против него.

”

В «Литературной газете», помню, была статья, что написал двадцать тысяч стихов, а прославился тем, что кричит «кикиморы»! Действительно так. Мы же все тогда всерьез друг друга не воспринимали, мы смеялись.

Я ему говорил: «Дима, твои стихи надо под пресс и отжать. Тогда из тысячи пять-десять, может быть, останется». Так и было. У него есть хорошие стихи. Немного, но есть. Те же стихи, которые я напечатал, их цитируют по телевидению. Читал кто-то... Виктор Ерофеев, по-моему, в какой-то передаче.

Своей системы в искусстве, в живописи он не создал. Как писатель он неплохие писал статьи, эссе. В «Художественном журнале» было что-то. Я читал, помню, с интересом.

Д.С.: А Рубинштейн — это не ваш круг был?

И.Ш.: Нет, я его в Москве не знал. Мне Алик Сидоров прислал к первому номеру, я его и напечатал, как бы на полях. Лично уже здесь познакомился, когда я приехал. Хотя остальных художников я знал лично почти всех, кого печатал. То есть не почти, а всех, начиная с Кабакова и Булатова. Со Звездочетовым мы, правда, познакомимся в Париже, он приезжал. Это молодой, молодых я не знал. Вот таких, более или менее классиков... Штейнберг, Лида Мастеркова, Зеленин, Шемякин...

Д.С.: А эти ребята к вам приходили в мастерскую?

И.Ш.: Нет. Зеленин, Шемякин — это в Париже мы знакомимся... Они все уже там жили. Игоря Макаревича, Сашу Косолапова, Леонида Сокова я в Москве еще знал.

Д.С.: С Сашей Косолаповым вы потом...

И.Ш.: В «Комар & Меламид» тогда зарождался весь соц-арт, это еще не было выявлено и сформулировано, но начало тогда закладывалось.

Костаки и творчество как способ выживания

Д.С.: А на что вы жили? Вот банально... Шесть лет. Когда была мастерская, можно было работать...

И.Ш.: После того как я ушел из реставрации, я зарабатывал — меня включали в бригады по реставрации в действующих церквах. Можно было ударно поработать, не щадя живота, целый месяц, с утра до ночи. За это получали большие, сравнительно большие деньги. Можно было дальше на них жить. Потом мне повезло. Я устроился в МГУ на факультет психологии, меня зачислили в качестве лаборанта. А в чем моя работа заключалась? Студенты писали дипломные работы. И к этим работам нужны были рисунки, то есть даже не рисунки, а, скорее, чертежи. И у меня была такая синекура, потому что я работал дома. Мне давали какое-то количество чертежей, я их дома чертил. А то вообще почти ничего не было целый месяц. Платили, правда, минимально. Тогда была минимальная — шестьдесят рублей, по-моему. Или шестьсот?.. Я не помню эти цифры уже. Может быть, шестьсот, и у меня еще шестьдесят рублей вычитали за бездетность. И был тогда Косыгин, я помню, он выступал где-то и говорил, что с октября минимальная будет без налогов. Потом еще года два-три прошло, и ничего не поменялось. Все равно вычитали. Ну, при скромной жизни я выкручивался. Ничего не продавал. Тогда вообще не продавали. Только в последний год Сережа Есян привел ко мне в мастерскую Костаки. Тот уселся и разахался: «А, вы скульптор, наконец скульптор!» Говорит: «Художников много. Я же знал, что должен быть где-то в Москве скульптор! Игорек, я у тебя вот это, это и это беру!» Взял три работы. Говорит: «Ты знаешь, я, у меня сейчас по деньгам очень трудно. Я не могу тебе заплатить, как это полагается за каждую. Давай договоримся так: эту я у тебя покупаю и плачу полную сумму...» Ну, сумма, по-моему, пятьсот долларов была или что-то вроде...

Д.С.: А, это большая сумма.

Игорь Шелковский в мастерской в Просвиренном переулке. 1 января 1973 год

И.Ш.: Ну, тогда большая, да. «А эти две ты мне даришь». Я говорю: «Рад. Почет и уважение». Вот так это было, но уже ближе к моему отъезду. Потом мои работы уже у него... К нему навещался в каждый свой приезд один швейцарец — Жак Мелконян его звали, его отец — армянин из Каира, хотя жил потом в Париже. И этот Жак Мелконян заинтересовался, он коллекционировал тоже, но в основном художников из Восточной Европы — из Польши, Румынии. Он торговал ткацкими машинами. Причем даже не машинами, а целыми линиями станков, крупный был делец. И ездил регулярно в Москву. И поскольку интересовался искусством, коллекционировал, он попал к Костаки, увидел там мои работы и спросил мой телефон у Костаки. Костаки ему дал. Он мне стал звонить и год или полтора не попадал на меня. А потом вдруг попал: «Можно приехать?» Я ему дал адрес, он приехал с каким-то англичанином в качестве переводчика. Но тот настолько плохо говорил по-русски, мы друг друга не понимали, и я попробовал по-французски с Мелконяном говорить. И оказалось, что я знаю французский! В достаточном объеме, чтобы вполне нормально объясниться. И он тоже у меня тогда за дешевые деньги купил какие-то работы. Рассказывал, как он их провозит. Идет с моим рельефом большим под мышкой. Тамкакая-то девушка на таможне. Он дарит ей шоколадку, начинает разговор: «Вот моя визитная карточка. Будете в Швейцарии — приходите. Буду рад». И она его пропускает! «А это что?» — говорит. «А это современность!» — «А, это никому не интересно!» Никого не интересует современное искусство. Он так вывозил все. Да! А почему важно — потом, благодаря ему, образовался журнал «А—Я».

Д.С.: Подождите, это отдельная история. Я не хочу пересказывать... А у Костаки сохранились ваши работы. В его коллекции, сейчас же собрание Костаки...

И.Ш.: В Афинах.

Д.С.: Да. Там ваши работы.

И.Ш.: Да-да. У меня где-то есть каталог. И там даже одна или две воспроизведены. Про третью у меня подозрения, что она где-то сломалась по дороге, она была более ажурная. Не знаю, в общем. Но тогда мне... Тогда это очень льстило и вдохновляло, что такой человек, как Костаки... У него же просто гениальная была коллекция!

У него были в современном доме объединены две квартиры, две довольно большие советские квартиры. И все комнаты были завешены живописью, от пола до потолка: Шагал, Родченко, Кандинский, Розанова, все-все-все-все.

Он покупал и современных — Целкова — но почти не вешал, или где-то в передней иногда. И среди такого живописного рая... У меня есть где-то фотографии: он сидит, Мелконян, моя скульптура, рельефы стоят...

Д.С.: О! Тоже интересно было бы посмотреть.

И.Ш.: Надо их поискать...

Д.С.: Может быть, найдутся как-нибудь.

И.Ш.: И Костаки... Что только про него ни говорили! На мой взгляд — это честнейший человек. Прекрасный, прекрасный человек. Очень порядочный. А когда в первый раз я попал к нему... Был такой Борис Алимов, график, МОСХовский немножко официальный. И немножко «фронда». Как всегда: официоз и фронда. Он набрал человек десять и сказал, чтобы пойти к Костаки, посмотреть коллекцию.

Я помню, мы едем в лифте, в квартиру Костаки, и Боря Алимов говорит: «А что вы думаете, Костаки — это полковник КГБ! Так что будьте осторожны!» Я про себя подумал: «Побольше бы таких полковников!»

Потому что объективно — он спасал искусство, спасал и популяризировал. Все эти американские сенаторы, когда приезжали в Москву, обязательно шли смотреть его коллекцию.

Круг общения

Д.С.: Костаки — легенда, конечно! Понятно. Еще чуть-чуть я вернусь в вашу мастерскую. Кого бы вы еще назвали? Мастерская, условно, ваш круг общения. Ваши люди. До отъезда.

И.Ш.: До отъезда — Семенов-Амурский и его ученики.

Д.С.: Это вы говорили.

И.Ш.: Да. Орлов, Лебедев, Пригов, Соков, Косолапов, Комар & Мелаид...

Д.С.: Ага.

И.Ш.: Кого я пропустил? Макаревич. Чуйков. Я просто забываю самых...

Д.С.: Известных.

И.Ш.: ...ближайших. Ближайших людей, да. Марина Романовская. Космачев, такой был скульптор. Есяян. Оказалось, что мы учились когда-то в одном училище Девятьсот пятого года, на разных курсах — он моложе меня. А после училища разошлись и несколько лет не виделись. Лет десять! И вдруг встретились на Сретенском бульваре. И оказалось, что у нас мастерские почти рядом.

Д.С.: Это про кого сейчас?

И.Ш.: Это про Есяяна. У меня на Сретенке. Только у меня переулочек в одну сторону, а у него — в другую, к Трубной загибался. И мы стали навещать друг друга. Вокруг него всегда была толпа каких-то иностранцев и красивых женщин. Он светский человек был. Правда, жутко пил. Вообще, пьянство той эпохи было очень показательным.

Д.С.: А вы пили тогда? Выпивали? Нет?

И.Ш.: Нет-нет. Я так, поддерживал компанию. Но пить — нет. А Есяян — он просто упорно, до предела! Это характерная черта того времени, потому что пили от отчаяния, по большей части. Жизнь настолько беспросветная, не сулившая никаких перспектив, — это была форма социального протеста. Причем на любом уровне. Я в какой-то статье писал, что это именно форма социального протеста.

”

Пили военные, начиная с сына Сталина. Василий Сталин просто алкоголик был. Пили министры, писатели. Фадеев до самоубийства допился. А уж что говорить о колхозниках или рабочих! Это сплошь было. И интеллигенция. К сожалению, интеллигенция тоже такой способ себе открыла борьбы. И разрушались...

Был у меня приятель Юра Новиков, который потом реставратором стал. В двадцать лет это был красавец: сибиряк, выше меня ростом, голова, полная кудрей! Талантлив был необыкновенно. Такие в зоопарке делал наброски с животных — как Серов, рисовальщик был хороший. И живопись у него была хорошая, только он всего года два-три занимался, потом перестал. Перестал, потому что спился! Вернее начал, то есть продолжал, и уже какие-то слабые, манерные работы стали... Спился. Такой Борис Козлов был, художник, сейчас его даже в гении выдвигают, — тоже спился. Валерий Пьянов. Сосед мне принес каталог какого-то аукциона, в прошлом году был. Я смотрю — там этот Валерий Пьянов, и даты жизни: сороковой — двенадцатый. Значит, в прошлом году помер. А причина та же, потому что такой вот образ жизни! Дима Пригов вообще не пил.

Д.С.: Расскажите немножко об упомянутых художниках. О Чуйкове, о Комар & Меламиде.

И.Ш.: Ну, Комар & Меламид — мы знакомы были так, издаেকে. Они приглашали, показывали работы у себя дома. Обычно собирались где-то на станции метро, по-моему, это «Юго-Западная» была. В вестибюле встречались, набиралось человек семь-восемь...

Д.С.: И шли смотреть.

И.Ш.: Шли смотреть.

Д.С.: Ну а на вас как? Кто впечатление производил? Нравился, был близок.

Игорь Шелковский с Дмитрием Приговым и Славой Лебедевым в мастерской. 31 декабря 1973 года

И.Ш.: Иван Чуйков. Косолапов тогда очень интересно работал. Начинал. Это все было только начало. Соков. Уже тогда было видно, что-то такое. В последний год моего здесь пребывания, в 76-м, весной, московские неофициальные художники организовали квартирные выставки. Их было всего семь, я помню две. У Чернышова и у Миши Одноралова. Миша Одноралов где-то здесь, возле «Кропоткинской», раньше называлась Метростроевская, а теперь...

Д.С.: Остоженка.

И.Ш.: Остоженка. Где-то там. Сейчас там все перестроили. Раньше там были какие-то такие московские...

Д.С.: Хибарки.

И.Ш.: ...дворики. С двухэтажными домиками. А у нас была выставка в мастерской Сокова. Да, я забыл Герловиных...

Д.С.: Да-да-да...

И.Ш.: Семь художников, по-моему, было: Герловины, Соков, Чуйков, Сережа... Шаблавин, Юликов и я. У него мастерская в полуподвальном помещении, довольно просторная. Выставка длилась дней пять или даже неделю и таким успехом пользовалась, что стояла очередь туда.

Д.С.: В квартиру...

И.Ш.: Все не умещались! Да, в мастерскую.

Д.С.: В мастерскую.

И.Ш.: Полуподвал был. Все не помещались.

” И обязательно там участковый торчал милиционер. Так, чтобы поугагать немножко. Но была нормальная выставка. И она на всех повлияла.

Да, из художников, кого я не назвал: Герловины еще, Герловины, Юликов, Сережа Шаблавин. То есть человек пятнадцать—двадцать набиралось знакомых. А так-то вообще трудно было знакомиться, потому что обычно художники группировались... Была группа лианозовская...

Д.С.: Ну да. Но у вас никакой группы не было?

И.Ш.: Нет, но в каком-то смысле была. Из группы в другую группу попасть было трудно, недоверие было. Какой-то приходит незнакомый человек. Кто он такой? А может быть, он стукач?!

О стукачах

Д.С.: А много стукачей было?

И.Ш.: Я думаю, да. Как только чуть расширялся круг, не только свои, а знакомые знакомых, я думаю, да, было, было...

Д.С.: Ну, это не очень вас...

И.Ш.: Да нет. Но вели себя настороженно. Не стремились к большим знакомствам. Есть круг — и достаточно. Вот, может быть, не под запись... Я просто расскажу субъективно. Был такой художник. Сейчас он книжку за книжкой выпускает.

Он описывает жизнь художников в те же 60—70-е годы. Причем описывает так: в такой-то день у кого собирались, кто пришел — по именам, что ели-пили, какие события произошли... Нормальный человек не может иметь такую память: вспомнить, что было тридцать лет назад...

Д.С.: Может, он дневник вел, с каждодневными записями?

И.Ш.: Вот, вот-вот-вот... Я пришел к выводу, что это был осведомитель. Уже когда в Париже... Он уехал одним из первых, женился на француженке и там остался, в Париже. И несколько дел меня насторожили. Знакомый Эдика Зеленина организовал нам выставку в Германии, по четырем городам она должна была циркулировать.

Д.С.: Это уже когда вы уехали?

И.Ш.: Это когда я уехал, да. Выставка называлась «Четыре художника из Парижа». И мы встречаемся на вокзале Гардиан-норд в Париже, садимся в поезд, в одно купе, и едем. И кто-то из художников купил в ларьке газету «Русская мысль». И [он] ее листает: «Эта газета на деньги ЦРУ издается! Вот что здесь Наталья Горбаневская пишет про Катюну, ведь не было никакой Катюны! Это все знают!» И вот ноет-ноет-ноет. И Саша Леонов, совершенно нейтральный человек в смысле политики, говорит: «Тебя каждое лето пускают в Москву, и ты нам здесь это отработываешь!»

Д.С.: А он отреагировал как-нибудь?

И.Ш.: Да нет. Перестал, по крайней мере, бормотать... А другой эпизод был гораздо раньше, когда я только что приехал в Париж... Там устраивалась выставка в Бохуме. Был такой доктор Шпильман, чех по национальности, когда танки советские оккупировали Прагу, он сбежал в Германию. Искусствовед, он занимался в том числе русскими художниками. И организовывал какую-то выставку. Против выступили Глезер, Шемякин, Целков, кто-то еще... Что не те авторы, не так показано... И завязалась переписка. Глезеру удалось на свою сторону и Буковского привлечь, и Максимова. Мы чего-то собрались [этого художника], и он нам показывает папочку, где вся переписка у него в копиях. То есть там письмо Максимова, Шемякина, ответ Шпильмана. И он нам дает читать, и я читаю. Меня развеселило письмо Шемякина, где он пишет: «А что касается Дины Верни, то это воровка! Она у меня столько-то работ украла и деньги не вернула!» Потом ответ Шпильмана, и он там тоже упоминает Дину Верни. И Шемякин на это упоминание реагирует: «А что касается Дины Верни, вы не смейте употреблять имя этой женщины — у нас с ней высокая мистическая связь!» То есть такая вот чушь. Тогда я не придал значения, а потом, когда уже вот несколько эпизодов других было, подумал: «Откуда же [него] могут быть копии этих писем?» Если они идут по почте, то они идут по почте. Цензуры-то нет вроде бы. Каким образом он добился и с той, и с другой стороны?..

Отъезд и эмиграция

Д.С.: Давайте тогда сейчас перейдем к следующей теме. Она огромная. И, в общем, я думаю, что это только начало: ваш отъезд и эмиграция. Расскажите, откуда ноги пошли. Как все закрутилось? Почему, собственно, вы уехали? Что предшествовало?

И.Ш.: Долго рассказывать... Где-то я уже рассказывал недавно. Хотя нет, уже давно... Год назад, наверно. У меня была жена-швейцарка.

Д.С.: С какого времени примерно?

И.Ш.: Мы с ней расписались в 75-м году, по-моему.

Д.С.: А! В 76-м вы уехали уже.

И.Ш.: Да. В 75-м я ее пригласил сюда на три месяца. Просто по приглашению она жила. У меня перед этим умерла мама, и я остался в ее квартире. Это на метро «Речной вокзал». И она приехала, здесь занималась своей диссертацией: она писала о поэзии Серебряного века...

Д.С.: Да? А кто это? Можете назвать?

И.Ш.: Ее фамилия Бонадурер. Это швейцарская фамилия. Звали ее Сильвия.

Д.С.: А интересно, у кого она писала по Серебряному веку? На филфаке МГУ?

И.Ш.: Нет. Там, в университете...

Д.С.: Ну а здесь?

И.Ш.: А здесь она якобы занималась в библиотеках... А на самом деле, думаю, она дурака валяла. Я не знаю, просто не знаю. Может быть, что-то и писала... Но ей нравилась Москва, ей нравились все мои друзья. Сначала-то она приезжала сюда на два-три дня, как туристка. Потом, когда мы подали заявление на брак, ее перестали пускать. Или пускали, но не в те дни, когда ей нужно было. Это долго очень тянулось, такая борьба.

Д.С.: Расскажите!

И.Ш.: Борьба с властью.

Д.С.: Действительно, ведь сложно было жениться!

И.Ш.: Очень сложно, да!

У меня был приятель, физик... У него такая же была ситуация: он должен был жениться на немке. И у него ничего не вышло. Совершенно. Потому что физики нужны государству, а художники... Ну так, сквозь пальцы смотрели.

Но наконец нам удалось расписаться во Дворце бракосочетания.

Д.С.: Она приезжала специально под дату ваших заявлений?

И.Ш.: Да-да-да-да. Ну а как иначе? Мы виделись очень редко. Она так, приезжала на два-три дня. Собирались у меня в мастерской все мои приятели, начиная с Димы Пригова и его жены. Боря Орлов, все. Она всем привозила какие-то немислимые подарки. Тогда ведь ничего не было! Потом шла в магазин «Березка», там покупала всякие бутылки красивые. Женщинам, женам моих друзей — какие-нибудь колготки. Я смеялся, говорил: «Вы меня любите колготочной любовью!» И она чувствовала себя царицей просто... Все сразу все бросали и собирались в мастерской. Потом нам удалось, несмотря на все препятствия, расписаться. Там еще потребовали, чтобы моя мать поставила свою подпись.

Д.С.: Почему?

И.Ш.: Это было совершенно незаконно. Я думаю: что мне, настаивать на незаконности или просто приехать с матерью? Думаю, это легче будет, меньше нервов. Так просто, чтобы создать еще какое-нибудь препятствие. Вдруг мать против этого брака? Вот, Саша Косолапов... Он уехал, а жену не пускают, потому что ее отец не хочет, чтобы она уезжала. И она много месяцев здесь добивалась, пока не добилась. То есть из родителей старались сделать еще одно препятствие, чтобы удержать людей. А потом мама моя умерла. Я остался в этой квартире на улице Лавочкина. И... я ей послал приглашение. Она три месяца была здесь. А потом прислала мне приглашение на три месяца в Швейцарию. Летом я получил паспорт иностранный для поездки.

Д.С.: Тоже с проблемами?

И.Ш.: Нет. Долго ждать надо было, но все-таки получил. И мне хотелось увезти туда какое-то количество работ, чтобы выставку сделать. Перед этим она увезла две большие работы. Иностранец имел право две работы везти, и я тоже имел право на две работы. Но мне хотелось больше. Тем более что когда я получал разрешение на эти две работы, была комиссия при Министерстве культуры — там всякие реставраторы, все — они узнали, что я тоже работал реставратором, поговорили, пошутили. Они меня как своего, в общем. Обычно назначали какие-то крупные суммы...

Д.С.: Заплатить за свои...

И.Ш.: Заплатить. Да. Когда уезжал Сережа Есян, правда, он позже, чем я, ему какие-то жуткие суммы назначили за его работы. За его же собственные работы.

” Он по Москве ходил с шапкой, интеллигенция ему давала деньги, чтобы он выкупил свои работы. Кстати, забегая вперед, он потом все эти работы сжег, они ему там негодились. Он продать не мог, и все.

Но это другой разговор. Они хранились долго, девять лет в моей мастерской, а потом я говорю: «Сережа, ну как-нибудь, у меня уже места нет». Он приехал и все это сжег. Во дворе. Не нужны оказались.

Да. Так вот. Я хотел взять какое-то количество своих работ, и написал в Министерство культуры РСФСР. Там был такой человек по фамилии Халтурин. От него все зависело. Оценочная комиссия написала, что работы не имеют художественной ценности. То, что мне нужно. Но они написали на две только работы. Я к этому Халтурину, говорю: «Мои работы не имеют ценности художественной. Я хочу еще взять пять или семь работ, поменьше». Формально он не мог отказать, ему не за что было зацепиться, но началось волокитство. Он говорит: «Принесите фотографии всех работ». Я приношу фотографии. Через какое-то время... И все время с большими дистанциями: две недели, три недели. То я прихожу — он говорит: «Я потерял ваши фотографии». Прихожу еще раз — вижу: у него на столе они лежат. Я говорю: «Вот же мои фотографии!» В общем, все время какое-то волокитство. А паспорт [выдали] на месяц или на три, на ограниченный срок. Но я узнал, что могу этот паспорт продлевать несколько раз, так что это не играет никакой роли. И вот лето, я работаю в Абрамцеве, в своей избушке. Мне даже уезжать никуда не хочется. И одновременно раз в неделю езжу в Москву, навещаю этого Халтурина. Жду, когда он поддастся. Это тянется, тянется, тянется... Доходит уже до августа.

” Вдруг я получаю телеграмму: «Не приезжай, я тебя не могу принять...» Я думаю, что это провокация. Начинаю звонить — не могу дозвониться. Тоже даю телеграмму: «Какая-то ошибка? Или что ты?» Но получаю ответ, что ошибки нет: «Я с тобой развожусь».

Что делать? Думаю: ну, хорошо, конец лета доработаю в Абрамцеве. А мне хотелось там поработать, как раз идеи были всякие. И все! А потом посмотрим, что дальше.

Д.С.: То есть вы... раздумали ехать?

И.Ш.: Ну да, колебался. У меня собрались на этой даче Боря Орлов, Иван Чуйков и стали обсуждать положение: «Ты что, дурак?! У тебя же паспорт! Заграничный паспорт! Никто не может такого получить, а у тебя уже на руках! Ты поезжай! И сколько бы ты ни пробыл, потом вернешься, нам расскажешь — что ты видел. Используй эту ситуацию». Все за то, чтобы я уехал. Я думаю: «Наверно, надо использовать эту возможность. Неизвестно, представится ли она когда-либо еще». Начинаем готовиться к отъезду. У меня в паспорте нет швейцарской визы. Надо идти в швейцарское посольство. Я иду, они чего-то колеблются, говорят: «Знаете, у вас по этому письму, запросу от жены, срок прошел. Позвоните и попросите, чтобы она новое прислала». Хотя дело было не в этом. Она в посольство написала, что отменяет вызов.

Д.С.: А что такое случилось?

И.Ш.: До сих пор не знаю! До сих пор не знаю, только теорию могу составить. Но потом расскажу.

Д.С.: Хорошо.

И.Ш.: В общем, у меня нет швейцарской визы. Я это всем говорю. А Сережа Есян такой ловкий, у него армянский хитрый ум. Он говорит: «Сейчас все сделаем». У него есть какой-то хороший знакомый молодой человек, совершенно молодой человек в швейцарском посольстве. Говорит: «Давай пригласим его в твою мастерскую. Ты ему подаришь рисунки или гравюры». (Я ему потом гравюру подарил, на линолеуме.) Мы, говорит, ему все расскажем как есть и спросим его совета. Мы сидим у меня в мастерской, какое-то вино пьем, я ему дарю эту вот работу, и рассказываем все как есть. Он говорит: «Знаете, в посольстве начальство интересуется только одно — есть ли у вас деньги на обратный проезд». Потому что самое трудное — это из Швейцарии за свой счет швейцарцам высылать кого-то. Они такие экономные люди. А у меня деньги, я уже обменял. Когда был паспорт, я пошел и какую-то сумму на швейцарские деньги обменял. Вы, говорит, покажите им деньги! Я иду в посольство, говорю: «Мне нужна виза». И показываю эти бумажки швейцарские, франки. Они мне ставят визу на десять дней. Говорят: «Вам... Вы туда попадете, а потом пойдете с женой в полицию — вам продлят еще».

Д.С.: Подождите, то есть вы не собирались эмигрировать? И виза вам ставилась туристическая, по сути?

И.Ш.: Да-да.

Д.С.: То есть это не был отъезд...

И.Ш.: Нет-нет. Первоначально я должен был на три месяца получить визу. Так бы и вышло на три месяца. Но поскольку такая ситуация, они мне говорят: «Дадим на десять дней, а там вы уже устроите». Я иду почему-то в австрийское посольство, получать австрийскую визу транзитную. Потом оказывается, что поезд идет не через Австрию, а через Германию.

Д.С.: Вы поездом?

И.Ш.: Поездом, да.

Около мастерской. 1974 год

И.Ш.: Тогда самолеты, не знаю, дорого, что ли... Тогда я иду в немецкое посольство, там получаю визу: на въезд, на выезд. И это тоже какое-то дело случая: потом мне австрийская виза очень пригодилась, которая совершенно случайно, ошибочно оказалась в паспорте. Транзитная виза, она потом сыграла [свою] роль. Багаж был собран за два часа до отхода поезда. Алик Сидоров побегал... Там угловой дом, Сретенский бульвар, памятник этой...

Д.С.: Крупской.

И.Ш.: Крупской. Да. Там еще был кинотеатр «Хроника» когда-то. А внизу магазин «Галантерея», он мне купил желтый чешский чемодан в коричневую клетку. Дешевый, из пластмассы. И я чего-то туда побросал, взял пяток фотографий родителей... Да! И главное — мы запаковали две мои скульптуры большие и перемешали с несколькими маленькими. Получились большие свертки с этими скульптурами. И поехали на Белорусский вокзал.

Д.С.: То есть вы не рвали с родиной, не продавали все на отъезд, вы уезжали на чуть-чуть?

И.Ш.: Нет-нет-нет. Импровизация была. Мастерскую, до этого еще, я давно оформил на Алика. Все: и квартиры, и мастерскую. Так что он был хозяином всего.

Д.С.: А зачем это было делать?

И.Ш.: Зачем? Ну, я уезжаю на три месяца, и ему ключи оставляю. Он за всем этим следит.

Д.С.: Но по факту вы уезжали на десять дней?

И.Ш.: Да. То есть я ему оставлял все хозяйство. Передэтим-то я думал, что на три месяца. Значит, кто-то должен смотреть за всем этим. Я ему полностью доверял.

Д.С.: Понятно.

И.Ш.: Пришли несколько моих друзей. Прощаемся. Навечно. (*Смеется.*) Действительно думали, что навсегда.

Д.С.: Почему? Значит, вы собирались остаться?

И.Ш.: Хотя нет, не собирался... Но такой был настрой...

Д.С.: Вы хотели обмануть советское государство? (*Смеется.*) Или нет?

И.Ш.: Нет. Я не знал, ничего не знал еще. Но тем не менее... Я помню, со слезами на глазах со мной прощались. Не все... Алик очень веселый был... Он дал крупные взятки проводнику, и тот потом уже, когда поезд тронулся, все мои пакеты, свертки поместил в комнатку рядом, с перегородкой. Пустое, в общем, пространство. И они так до Берна доехали, в этом закутке. Совершенно никаких проблем не было. И я поехал.

И все время думал, когда меня повернут обратно. Или вообще ссадят с поезда, и что будет дальше.

Алик Сидоров, он знаток был прекрасный советской жизни, он говорил: «Конечно, ее телеграммы, когда они пересекали границу, где-то зафиксированы. Но у нас есть примерно недели две для каких-то действий». Потому что пока это где-то пройдет, пока кто-то зафиксирует, напишут, положат кому-то на стол, кто-то начнет принимать меры. Говорит: «Недели две у тебя есть. Если мы успеем в две недели уложиться...» Действительно, мы дней десять на все визы потратили.

Д.С.: Все-таки, я вынужден задать личный вопрос. Эта женитьба — она была с целью выезда или это просто женитьба и женитьба?

И.Ш.: Нет. Просто женитьба. Такая западная женщина. Я должен сказать, что она больше хотела оформления брака, чем я. Но... Для меня это тоже, в общем, открывало такую возможность, ездить... Я бы согласен был ездить на какое-то время. Каждый год или каждые три года. Жить там. Смотреть музеи. Я не собирался вот так отрезать... Навсегда. Мне это как-то и не нужно было. Я готов был каждое лето жить в Абрамцеве, там работать прекрасно было...

И вот пограничная станция. Мы там долго стоим. Потом вбегает офицер, уже должен поезд тронуться, и кричит: «У вас в декларации написано — скульптуры. Где вы их покупали?» Я говорю: «Да нигде я их не покупал! Это мои, собственные». Махнул рукой и убежал — и все, поезд тронулся. Дальше Польшу проезжали, потом Германию. Сначала ГДР, потом Западный Берлин, потом снова ГДР, потом уже Западная Германия.

” Пока поезд не переехал уже совсем в Западную Германию, я не верил, что никто меня не спохватится и не ссадит с поезда, не арестуют.

Потом Западная Германия, Швейцария.

Я приезжаю в Берн, еду в Цюрих на местном поезде со всем этим багажом невыносимым. В Цюрихе звоню Христиану, который меня, собственно, и познакомил с женой, с которым я очень давно знаком. Познакомились мы в Новгороде, когда работали на Феофане Греке. Там четверо иностранцев, молодых студентов: трое швейцарцев и одна немка. На машине ехали из Ленинграда в Москву, конечно, через Новгород. И вот — посмотреть Феофана Грека. Мы говорим: «Поднимайтесь к нам!» Провели несколько часов в болтовне, потом пошли в ресторан, пообедали гречневой кашей с молоком. Они были счастливы. *(Смеется.)* Такое блюдо! Ну вот. И завязалась переписка. Потом он несколько раз приезжал в Москву в качестве стажера, и они все приезжали. Потом он меня познакомил с Сильвией, и мы с ней поженились. Он знал и ее и меня очень хорошо.

Значит, я ему звоню, уже из Цюриха, говорю: вот такая ситуация. Он говорит: «Ну что ж, ладно, ты можешь жить у меня». Но так, без особого энтузиазма, потому что я свалился как снег на голову. Там никто не рассчитывал на это. Я еду к нему и живу у него десять дней, согласно визе. И передо мной выбор: или я остаюсь навсегда, или возвращаюсь, тоже навсегда. Потому что дальше уже, если она разводится, у меня никаких прав не будет. Меня интересуют музеи, современная западная жизнь, то, чего мы здесь были лишены. А он решает, что надо Швейцарию показать с лучшей стороны! Везет меня в горы. И мы несколько дней проводим в лесу.

” Там кругом коровы с колокольчиками ходят. Для меня это как тюрьма — зачем мне это? Эти горы, эти коровы. Лучше бы я в Музей современного искусства сходил, дни-то идут!

И мне, значит, надо решать. Я говорю: «Хорошо. Я остаюсь, я могу попросить политическое убежище? Как остаются?» Он говорит: «Мы это сейчас узнаем».

В какое-то утро мы идем в специальную полицию. Там сидит мальчик, блондин с длинными-длинными волосами, голубыми глазами и объясняет ситуацию: «У нас обычно не остаются. Сейчас Солженицын у нас. И то он уезжает». А как раз был момент, когда Солженицын покидал Швейцарию и ехал в Америку. Потому что Швейцария его плохо охраняет — в общем, не знаю почему, по каким причинам. Ну и маленькая страна. Зачем? Лучше в Америку. Он говорит: «Даже Солженицын, и тот уезжает. Знаете, вам надо поехать в Вену, там есть Толстовский фонд, который занимается такими беженцами, как вы. Они вас там устроят. Надо в Вену поехать». Потом уже, когда я приехал в Вену, в Толстовский фонд, мне сказали, что швейцарцы нагло меня обманули, что они не имели права меня отправлять. Если бы я отказался и остался в Швейцарии, они должны были дать мне политическое убежище. Первая страна западная, где человек просит политическое убежище, обязана дать это политическое убежище. Но я-то — я не то что какие-то права требовать — я боялся, что меня отведут в советское посольство. И сдадут там. И тут, при поездке в Вену, мне как раз очень пригодился этот штамп — транзитная виза через Австрию. Потому что я въехал один раз, а потом выезжал по этой же визе — все это годилось. Приехал. Еще, правда, там мне один священник помогал, который занимался беженцами...

Д.С.: *(Смеется.)* Пастор Шлаг?

И.Ш.: Я не помню, как его звали...

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

654 О лишении гражданства СССР Шелковского И. С.

Учитывая, что Шелковский И. С. совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, Президиум Верховного Совета СССР **постановляет:**

На основании статьи 18 Закона СССР от 1 декабря 1978 года «О гражданстве СССР» за действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу Советского Союза, лишить гражданства СССР **Шелковского** Игоря Сергеевича, 1937 года рождения, уроженца гор. Оренбурга, проживающего во Франции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. ГРОМЫКО.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль. 22 августа 1985 г.

№ 3086—XI.

Указ о лишении советского гражданства И. Шелковского

Д.С.: Да я шучу...

И.Ш.: Он позвонил в Толстовский фонд в Вену, и там меня уже ждали. Дали свои телефоны, и они знали, что я приеду. Толстовский фонд занимается всеми беженцами, всеми неприкаянными. Какие-нибудь матросы, которые где-то остались. Или просто туристы иногда там оставались. Немного было людей! Ну, поселили на несколько дней в каком-то маленьком номере в гостинице. Потом в той же гостинице, но там уже человек пять было. Такая большая комната.

Д.С.: Игорь Сергеевич, очень много вопросов сразу возникает...

И.Ш.: Да, пожалуйста...

Д.С.: Ну, во-первых, вы приехали на десять дней. С женой вы не встречались?

И.Ш.: Не-а. Я ее видел потом, лет через пятнадцать, у Эрика Булатова в Париже. И жалею, что не задал ей вопрос, почему она развелась со мной.

Д.С.: А если вы расписывались в Москве...

И.Ш.: Да.

Д.С.: Значит, наверно, и разводиться вы должны были в Москве?

И.Ш.: В Париже.

Д.С.: Или достаточно было того, чтобы...

И.Ш.: Я в Париже разводился. Мы тогда переписывались. У меня где-то есть эти письма. Причем развод... Там женщина не имеет никаких прав. Если она хочет развестись, а я не хочу, — она не сможет никогда развестись. И если я хочу — то надо платить какие-то деньги. И мне, и ей. За такой развод.

”

Единственно: развод бесплатный, если она пишет заявление, что я исчез, что она не знает, где я. Бесследно исчез. Она так и написала, хотя это была ложь. Она знала, что я в Париже. У нее был мой адрес. И тем не менее нас развели. Она мне прислала какие-то бумаги.

Д.С.: Квиточек, да? Понятно. Но тогда для вас, собственно, это был вопрос решенный. Вы общались только с этим Христианом.

И.Ш.: Да, с Христианом Вайсом.

Д.С.: Вы у него жили. Сколько-то дней пробыли в горах. Наверное, сходили в какие-то музеи. Да?

И.Ш.: Да.

Д.С.: И при этом над вами довлеет это решение, принимать или не принимать.

И.Ш.: Или ехать обратно...

Д.С.: Оставаться или не оставаться...

И.Ш.: Да. Я решил, что... Нет-нет — я попал в Музей современного искусства — думаю, нет, я остаюсь! Все! Правда! Посмотрел Лихтенштейн, и что-то так он мне понравился! В восторг привел!

Думаю, не, ну что за глупости, что мне в Москве делать? Я лучше в Париж поеду, буду в курсе всего современного искусства. А в Москве, что там? Опять гнить!

Д.С.: Ну, хорошо. При этом вы как-то связывались...

И.Ш.: Еще был очень веский довод в пользу «остаться». Буквально в последнюю неделю я узнал, что дом, в котором моя мастерская, ставится на капитальный ремонт, и оттуда всех вышвыривают, всех жильцов, все организации. Ну как, капитальный ремонт, — там перекрытия все обновляют. Из бетона делают... То есть мастерскую я должен был оставить. И если бы я покинул свою мастерскую, никто бы мне взамен ничего не дал. И сам я не способен был бы найти другую мастерскую. Значит, я оставался без мастерской. А что делать без мастерской?

Д.С.: А! Вот это важное дополнение, да! Вы в прошлый раз, кажется, рассказывали, о том, что вам, в общем, чудом дали эту мастерскую.

И.Ш.: Да.

Д.С.: И никто бы не дал второй раз, да? Но вы продолжали быть членом Союза художников?

И.Ш.: Я продолжал, но Союз художников не давал мастерские...

Д.С.: ...поголовно...

И.Ш.: Таким, как я. Активным, кто на советские темы работал — мог выхлопотать. А таким, как я — нет.

Д.С.: Понятно.

И.Ш.: Надо было самому искать. Помню, Боря Орлов тогда искал мастерскую. И он должен был разговаривать скаким-то начальником, недалеко от меня. Он забежал сначала ко мне, говорит: «Я хочу ему бутылку коньяка [дать]. Как ты думаешь, что будет?» Я говорю: «Давай, давай! Ничего. Ничего страшного». Проходит полчаса, он прибегает, хохочет! Я говорю: «Ну что? Дал бутылку коньяка?» — «Ты знаешь, я ему поставил на стол. Он вдруг как закричит на меня! Что вы делаете?! Что вы делаете?! В окно могут увидеть! И прячет, прячет в стол».

Д.С.: *(Смеется.)* Понятно. А уже оттуда, из Швейцарии, вы не связывались с Аликом Сидоровым?

И.Ш.: Ну как же! Связывался!

Д.С.: Вы сказали: «До свиданья! Друг, я не приеду!» Да?

И.Ш.: Нет! Я звонил! Я сейчас это перечитываю, я тогда все это в письмах описывал. Я звоню Алику. Не могу дозвониться, никто не подходит. Звоню Сереже Есаяну. Его нет. Подходит его жена и спрашивает: «Ты откуда? Откуда ты звонишь-то?» Я говорю: «Из Берна» — «Откуда?!» *(Смеется.)* Я сказал: «Передай другим, что я уже в Швейцарии. Все в порядке».

Д.С.: И что я остаюсь?

И.Ш.: Ну, в общем, да.

Д.С.: Как-то вы сообщили об этом...

И.Ш.: Нет. Не сразу. Я еще не знал, как... Это уже из Вены потом им писал и говорил... Письма доходили, не знаю, одно из трех.

Д.С.: У вас оставались здесь какие-то вещи? Вы это все бросили, и все. Да? И не понятно, что с этим было потом? Да? Ни с работами, ни с... Ну, банально, книги...

И.Ш.: Да-да. Вся библиотека.

Это самая большая была моя потеря, потому что я долго и тщательно эту библиотеку собирал. Там были мои любимые книги. Некоторые недочитанные еще...

Алик, он скрупулезен был, про все детали какие-то, про все вещи [сообщал]... Пластинки мне начал пересылать. Но только не про книги. Потому что искус было слишком большой. Он торговал этими книгами: дорого все это стоило.

Д.С.: Понятно.

Вена

И.Ш.: Вот. И я остался в Вене.

Д.С.: А кто встретил вас в Толстовском фонде? Помните? Что за люди?

И.Ш.: Окунев, русский эмигрант. С родителями уехал в 20-е годы. Архитектор. И в дополнение занимался помощью в Толстовском фонде. Мне дали его телефон. Я приехал в одиннадцать вечера в Вену и стал ему звонить.

Д.С.: А это лето было?

И.Ш.: Август. Тепло, хорошо.

Такое европейское лето: благоухание сплошное. Ни дождей, ни жары — ничего.

Стал ему звонить. Он снимает трубку и каждый раз говорит: «Окунев». А я говорю, и он меня не слышит. Потому что там какие-то автоматы... Это было раз десять—пятнадцать. Я отчаялся: как же ему дозвониться? И вокзал пустой. Потом какой-то венец мне показал, на какие кнопки надо нажимать, когда слышишь ответ. Я нажал, и он подъехал к этому вокзалу, меня отвез в гостиницу.

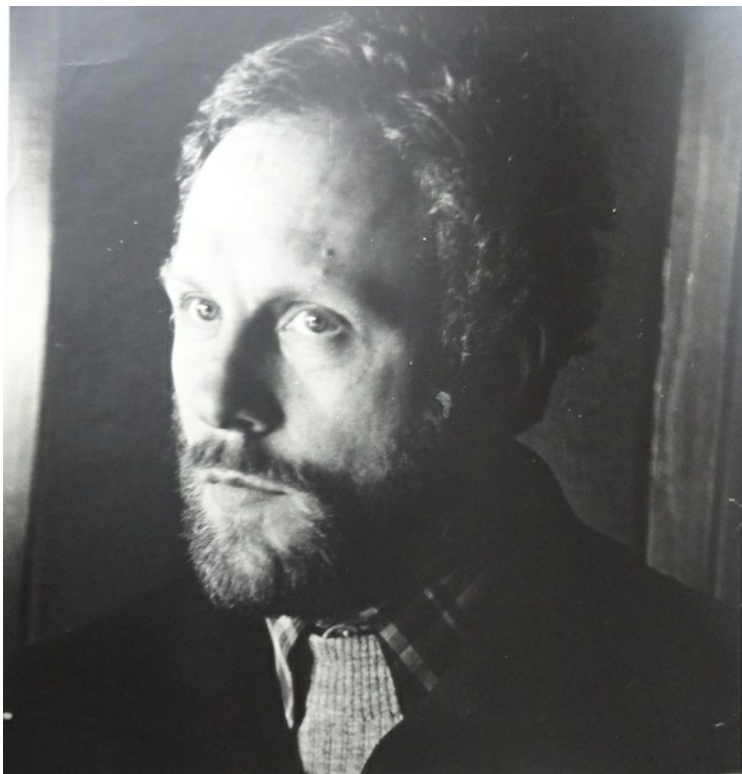
Д.С.: А где ваши работы были при этом? То, что вы везли в поезде.

И.Ш.: А я сдавал их каждый раз... Нет, в Швейцарии я оставил Христиану, по-моему, работы. А вот из Берна до Цюриха мне надо было везти их в поезде, в купе. Потом в Цюрихе оставил. Я почему это помню — я это все в письмах описывал. Сейчас я эти письма нашел. Это стоило один швейцарский франк — плата за камеру хранения. Поезда там очень дорогие были. А швейцарский франк — это, по-моему, три или больше французских франка. Сейчас другая совсем ценность у всех этих денег. А тогда это было дорого очень. В Толстовском фонде меня спрашивают: «А куда вы хотите дальше? Можно в Канаду, можно в Австралию, есть свободные места. Мы быстро там оформимся». Я говорю: «Да нет! Знаете, мне как-то... Не хочу я ни в Австралию, ни в Канаду». — «А куда вы хотите?» — «Я хочу во Францию». Почему я выбрал Францию? Потому что перед этим я стал французским заниматься. И более или менее говорил по-французски. Английский я тоже когда-то учил, в школе, в училище. И потом пару лет с преподавателем. Но потом у меня французский вытеснил английский. Я бы его вспомнил, конечно. Но главное — я подумал, что, уж если ехать — так на Запад. Я попаду во Францию, а потом, если не понравится, можно дальше, в Америку ехать. А уже наоборот — это, наверно, труднее бывает. Потом Париж — французское искусство, французская школа живописи!

Д.С.: Ну, тут как раз понятно!

И.Ш.: Мы на этом воспитаны были.

Д.С.: Да. Решение понятно.

Игорь Шелковский. 1975 год

И.Ш.: Говорю: «Хочу во Францию». Она говорит: «Это труднее будет, но будем работать, будем работать». Стали работать.

Я живу в гостинице. Мне там платят какой-то минимум на еду. Еда дешевая, мясо я не ем. Покупаю из Югославии, из Словении виноград, который почти ничего не стоит. Очень дешевый. Фрукты, виноград.

” После Москвы, московских гнилых огурцов, которые и то не всегда были, там — полная благодать.

И, значит, жду. Мы живем в большой комнате, человек пять еще. И какой-то мальчишка, юноша из Дагестана, еврей с Кавказа. Он уехал с родителями в Израиль. А потом пришло время ему на военную службу идти. Ему не захотелось, и он сбежал. Сбежал от родителей, сбежал из Израиля. Через Югославию пробрался в Вену. Там были еврейские фонды — они его, конечно, не взяли, поскольку он дезертир, изменник родины... А Толстовский фонд всех таких вот сирот поддерживал. И он там жил уже года два, наверно. Уже обосновался там. Он не имел права на работу. Но тем не менее работал, зарабатывал. В магазинах этикетки ставил. Ценники. Нелегально работал. И плюс еще деньги получал от Толстовского фонда. И знал все ходы и выходы, во всех ситуациях. Мы с ним разговорились.

” Я говорю: я хочу в Париж, во Францию. Он говорит: «У вас же есть советский паспорт!» — «Да, есть». — «Идите в посольство, вам там дадут туристическую визу. Вы поедете свободно, вам никто не может отказать». Я иду с этой идеей в Толстовский фонд — они шлепают себя по лбу: «Как мы не догадались!»

Пошли во французское посольство с представителем Толстовского фонда — меня за ручку водили. Просто потому, что я по-немецки не говорю. Но там, правда, в посольстве, уже по-французски. И мне как туристу дали туристическую визу на десять дней, посмотреть Париж. Якобы я живу в Вене, это мое место жительства, а туда еду просто на прогулку. И в Толстовском фонде сказали: мы сообщим в парижский Толстовский фонд — там будут вас ждать.

Ну вот. Там был еще один очень интересный эпизод. Я сажусь в поезд, мы едем. Потом приходят контролеры, и оказывается: на мое место в купе есть еще человек, с таким же билетом, на это же место. Контролер ничего не понимает, но как-то все приводится в порядок, кого-то рассаживают, какое-то еще свободное место находится... Едем, значит. Прибываю в Париж. Иду в посольство. А они говорят: «А мы вас завтра ждали, почему вы сегодня приехали?» Оказалось, что у нас в нашем номере висел календарь перекидной, на каждый месяц. И я посмотрел, там было, по-моему, воскресенье. А это был прошлогодний календарь! И на день эта разница была.

” А я этого не знал, я поехал по прошлогоднему календарю и приехал на день раньше. И контролер не догадался посмотреть на дату! Просто видел, что на одно место два билета, а какая дата на моем билете, он не догадался посмотреть.

Но тем не менее доехал до Парижа. Это был, по-моему, понедельник. В семь часов вышел на площадь перед вокзалом. Утренняя свежесть, лето еще. Полное лето, все цветет. Я там хожу... Какой-то пожилой француз подходит, говорит: «Вы что-то ищете? Я могу вам чем-то помочь?» Да, а я купил план! Первое что [сделал]! В киоске купил план Парижа, ищу улицу, где Толстовский фонд, куда мне идти. Он мне на плане показал — не очень далеко было. Пришел в Толстовский фонд. Они удивились, но говорят: ничего страшного. Поселили меня в маленькой-маленькой гостинице. На севере Парижа такая пляс Клиши. И я там начинаю жить. Потом мне говорят: «Мы устроим встречу. Из полиции придут через два дня. Они должны побеседовать с вами». Приходят два молодых человека: второй в качестве переводчика, но настолько плохо по-русски, что я сам начинаю говорить по-французски, и все получается! Все записывают с моих слов: имя отца, матери. У меня в заграничном паспорте никакого адреса, ничего. Только фамилия и, по-моему, дата рождения. И все. Он «немой» совершенно в этом смысле. Никаких сведений. Они записывают: кто, что. Спрашивают: «А на кого сослаться? Вы кого-то из известных людей знаете? Кто сейчас уехал». Я говорю: «Из известных — знаю Неизвестного». Ну, они смеются. Потом я вспомнил, что мог назвать Даниэля Кардье. Он-то там авторитет, он там знаменитый как герой Сопротивления. Мне просто не пришло в голову вспомнить его и на него сослаться. Но тем не менее они все записали, все благожелательно. Через несколько дней я получил вид на жительство.

Д.С.: Прямо через несколько дней?

И.Ш.: Да-да-да... Сначала на три месяца, потом на полгода, потом на год, потом на три года, потом на десять лет. В общем, я это все время продлевал. Тут никаких подозрений.

” Я представил, как бы в Москве мне устроили допрос! И с каким бы недоверием это все проходило! Шпион, и прочее! А там все — молодые интеллигентные люди. Разговаривали как со своим, тоже с интеллигентом. Никаких препятствий не было.

И в этой гостинице я прожил, по-моему, два месяца. Потом знакомая француженка, которую еще в Москве я знал, студентка, устроила. У ее матери был пожилой ухажер. Мать пожилая, и этот человек был тоже очень пожилой. Но он был хозяин большого дома. И у него на чердаке была пустая комната. Он меня туда вселил за минимальную плату. Центр города! Рядом Сена! Лувр! А это называется шамбр де бонн. Когда строили дом — внизу жили буржуа, а наверху были комнаты для прислуги. Шамбр де бонн. Маленькая комнатка с умывальником. Без туалета. Туалет общий, где-то около лестницы. Жили студенты в основном.

У меня был студент-мексиканец, который каждый вечер под гитару пел мексиканские песни. Я сразу понял, откуда Дунаевский взял свои мелодии. Потому что «Легко на сердце от песни веселой...» — это оказалось мексиканской народной песенкой.

Но первое время жутко было интересно. Я стал получать приглашения на выставки. Где-то мое имя появилось. Я тоже выставился в каком-то каталоге. И сразу пошли приглашения, автоматически. Выставки. Вернисажи. Каждый вечер обходишь. Везде вином угощают. Закуски. Пока обойдешь эти галереи...

Д.С.: И сыт, и пьян.

И.Ш.: Да, напешься, наешься. Ну вот. Что дальше? Или на этом...

Д.С.: Ну, как скажете! Если остановиться, давайте остановимся.

И.Ш.: Ну, давайте! А то как-то я уже...

Д.С.: Понятно. Длинная история.

И.Ш.: Да!

Д.С.: Давайте я запишу, с чего начать, а то тоже вылетит... Сейчас. Парижская история.

И.Ш.: Дальше только остается рассказать про журнал «А—Я»...

Д.С.: Журнал «А—Я», да.

И.Ш.: Но, в принципе, все, что я рассказываю, есть в этой переписке. Если мне удастся издать... По-моему, интересно. Во всяком случае, девочки, которые мне помогают, набирают, говорят, что им интересно это читать.

Д.С.: Ясно. Спасибо большое. Очень здорово. Особенно эта детективная история с вашим отъездом! (*Смеется.*) Прекрасно!